

СПРУТ

Павел Булкин

Павел Булкин

Спрут

<https://litres.ru/74041129>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вероника приезжает учиться в большой город с одним чемоданом, здравым смыслом и убеждением, что сломанный ноготь — это просто сломанный ноготь. Но город знает лучше. Здесь у каждой маленькой проблемы есть мастер, запись, рекомендация и следующий специалист, который бережно объяснит, почему без него предыдущая работа потеряет смысл.

«Спрут» — философско-юмористическая история о том, где проходит граница между заботой и контролем, улучшением и исправлением, свободным выбором и выбором из заранее подготовленного списка. Что делает человека собой: его внешность, решения или право ничего в себе не менять? Когда внимание к деталям становится властью? И почему самое опасное давление часто выглядит как безупречный сервис?

Это рассказ об индустрии красоты, городском одиночестве и соблазне стать «лучшей версией себя», не успев спросить, кто именно составил техническое задание.

Павел Булкин

Спрут

Если подняться над городом достаточно высоко — туда, где уже не слышно трамваев и где сентябрьский воздух пахнет только самим собой, — город выглядит честно: серая река делит его на деловую и спальную половины, торговые центры лежат среди кварталов, как открытые чемоданы, из которых никто никогда не уезжает, а жилые дома стоят ровными рядами, и на первых этажах этих домов, там, где раньше были квартиры с коврами и сервантами, теперь горят маленькие ровные окна особого белого света — не жилого, не уютного, а рабочего, стерильного.

С высоты не видно, но между этими окнами натянуты связи — не провода и не трубы, а нечто более современное: ссылки, чаты, рекомендации, проверенные контакты, пересланные фотографии «до» и «после», короткие сообщения «отправляю тебе девочку, мягкий вход». Город снизу состоит из улиц. Город изнутри состоит из записей: на десять, на полдень, на «есть окно завтра, если срочно». В этом городе у человека, как у автомобиля, есть регламентное обслуживание, и точно так же, как автомобиль, человек узнаёт об этом не сразу, а по мере накопления пробега.

Комната в общежитии встретила Веронику сухим жаром

батарей, которые включили по календарю, а не по погоде, и теперь сентябрь стоял за окном тёплый, а в комнате жил маленький личный июль с привкусом горячей краски на чугуне; воздух здесь высыхал быстрее, чем успевал пахнуть чем-нибудь одним, и потому пах сразу всем — старым деревом подоконника, новым постельным бельём соседки, чьим-то яблоком и общим, ничейным электрическим светом под потолком, который горел одинаково на всех и не оставлял ни одному лицу права на частную, выгодную версию себя.

Дома свет был жёлтый и врал в её пользу. Здесь свет был белый и говорил правду.

Соседку звали Лера, она была с третьего курса, и Вероника, развешивая вещи в свою половину тесного шкафа, где плечики стояли так плотно, что каждая новая вещь требовала переговоров с предыдущими, наблюдала за ней с тем особым деревенским вниманием, которым умеют смотреть люди, привыкшие по рукам определять, доит человек корову или только рассказывает об этом. Лера выглядела просто. Волосы у неё были просто распущены и просто лежали — но лежали все в одну сторону, одинаковым плотным краем, как будто между ними существовала договорённость; ногти были просто короткие и без всего — но все десять одной длины и одной формы, чего у живых ногтей, выросших самостоятельно, не бывает; серая футболка была просто серой — но этот серый почему-то не спорил с её кожей, а как-то сотрудничал с ней. Простота Леры была не отсутствием уси-

лий. Она была их результатом, согласованным где-то заранее, на уровне, до которого Вероника пока не догадывалась.

Вероника не была ни дикаркой, ни золушкой. Она умела подшить брюки так, что шов не найдёт и портной, поднимала петли на трикотаже крючком для вязания, знала, сколько стоит её собственный час, и привезла с собой вещи добротные, чистые и купленные по необходимости — то есть по отдельности, в разные годы, под разные случаи, без общего замысла. Дома это называлось «есть что надеть». Здесь, она чувствовала это кожей, это называлось как-то иначе, и слова она пока не знала.

А слово ей скоро понадобится. Через две недели первокурсников представляли университету: актовъ зал, сцена, доклад от потока, деканат в первом ряду, фотограф от пресс-службы и старшекурсники, пришедшие посмотреть на новеньких с ленивым интересом таможни. Выступать выпало Веронике — она имела неосторожность хорошо говорить на собрании группы. Событие было не свадьбой и не судом, но сцена есть сцена: на ней человек виден весь и сразу, в белом свете, без права на выгодную версию.

Она боялась не оказаться некрасивой. Она боялась оказаться прочитанной — что зал по домашнему срезу волос, по бровям, которых никогда не касалась чужая рука, по вещам, купленным поодиночке, безошибочно определит расстояние от общежития до её автобусной станции. С точностью до километра.

Ноготь сломался буднично, как ломается всё важное: Вероника тянула из-под кровати застрявший чемодан, пластиковая защёлка сопротивлялась, рука сорвалась — и безымянный палец правой руки отозвался коротким сухим звуком, тише спички, но громче, чем нужно. Трещина пошла поперёк, низко, у самого мяса, из тех трещин, которые не оторвёшь и не отрастишь: зацепка цеплялась за полотенце, за колготки, за подкладку кармана, за всё, к чему прикасалась рука, и каждый раз коротко, противно тянула живое.

Дома такой вопрос решался у Оксаны через два двора, между чаем и разговором о чужой свадьбе. Здесь Вероника села на кровать и сделала то, что делает в этом городе каждый человек со своей болью любого размера, — напечатала её в поисковую строку: «маникюр рядом недорого сегодня».

Город отозвался мгновенно и нежно. Город предлагал ей «уют и заботу в каждой детали», «бережное отношение к натуральным ногтям», «атмосферу, в которой можно выдохнуть», «эстетику спокойствия» и «путь к себе через уход» — и всё это в ответ на запрос, в котором у Вероники болел один квадратный сантиметр кератина. Ей нужен был ремонт. Ей предлагали отношения.

Она листала с недоверием человека, привыкшего, что хорошая работа в рекламе не нуждается, и выбрала почти случайно — маленький кабинет в жилом доме в восьми минутах ходьбы, без атмосферы в описании, с фотографиями, на

которых были видны руки, а не интерьер, и, главное, со свободным окном сегодня в шесть: кто-то отменил запись, и система предлагала это окно ей — вежливо, удобно, один раз. Так Веронику и взяли. Не рекламой роскоши, не обещанием новой жизни — свободным окном в шесть часов.

Она нажала «записаться», получила подтверждение и адрес, сохранила ссылку и не обратила внимания на хвост этой ссылки, где после знака вопроса, в служебной строке, которую не читает никто, кроме тех, кому за это платят, тихо стояло: *ref=SB-8*.

Вероника убрала телефон, посмотрела на треснувший ноготь и подумала, что вопрос закрыт. Один ноготь. Одна запись. Один раз.

Город за окном включал свои белые лампы.

Кабинет нашёлся в торце жилого дома, за дверью, у которой Вероника впервые в жизни надела бахилы по маникюрному поводу — и этот шорох голубого полиэтилена сразу снял с события всякую торжественность, переводя его из области красоты в область, где люди моют руки перед работой.

— Бахилы можете не любить, — сказали из глубины кабинета, — их никто не любит. Но у меня тут стерильнее, чем в иной столовой, и я этим, честно говоря, горжусь.

Внутри было маленькое сухое тепло и белый свет без теней — не верхний, общий, как в общежитии, а собранный,

рабочий, направленный в одну точку мира: на белый валик посреди стола, как будто всё остальное помещение существовало только затем, чтобы у этого валика было где стоять. Кабинет был размером с купе и устроен с той же продуманностью: ничего лишнего, всё под рукой, у каждой вещи своё гнездо. На полке выстроились крафтовые пакеты — запечатанные, подписанные датой, как маленькие посылки самим себе; рядом гудел сухожаровой шкаф с круглым окошком и таймером, похожий на крошечную духовку, в которой никогда ничего не пекут, кроме чужого спокойствия. Флаконы стояли без картинок — флаконы, различимые только для посвящённых, у которых вместо рекламы на этикетке была химия. Пахло тремя честными слоями: сверху спиртовой холодок антисептика, под ним что-то кремовое и тёплое, а в самом низу — едва различимый запах нагретой пыли, рабочий, как у токарной мастерской, только в тысячу раз тише.

Мастера звали Марина. Она была невысокая, в перчатках и с тем особенным неторопливым спокойствием, какое бывает у людей, которые двести раз в месяц держат в руках чужую боль размером в квадратный сантиметр.

— Что у нас? — спросила Марина, и Вероника протянула руку и произнесла формулу, которую готовила всю дорогу:

— Вот, сломала. Починить, если можно. И тогда уж все коротко, аккуратно. Без дизайна. Чтобы натурально.

— Принято, — кивнула Марина. — «Коротко, аккуратно, натурально» — это, чтобы вы знали, самый сложный заказ в

нашем деле. «Стразы и вензеля» я бы вам сделала с закрытыми глазами.

Она взяла её руку — и с этой секунды рука перестала принадлежать Веронике. Это произошло без насилия и даже без слов: просто ладонь легла на белый валик, пальцы оказались развёрнуты к свету, и Вероника обнаружила, что больше не может ни почесать нос, ни убрать волосы, ни взять телефон, завибрировавший в кармане коротко и навсегда, — правая рука была сдана, как сдают пальто в гардероб, и квитанцией служило ощущение чужих уверенных пальцев, которые поворачивали её собственные с мягкой непреклонностью таможенного досмотра.

Марина смотрела на ногти долго. Так не смотрят на ногти. Так смотрят на фундамент.

— Так, — сказала она наконец, и в этом «так» было столько же информации, сколько во вздохе врача над снимком. — Докладываю обстановку. Трещина низкая, но кожа не повреждена, крови нет, пластина от ложа не отошла — значит, можно брать в работу. Если бы трещина раскрывалась или уходила в живую ткань, я бы не перекрывала её материалом, а отправила вас к врачу. Здесь заармирую — положу заплатку из стекловолокна, это как штопка, только для ногтя: сверху не видно, изнутри держит. Доносите спокойно до отрастания.

— Как штопка? — переспросила Вероника, у которой при этом слове что-то отозвалось в руках.

— Один в один. Перекрыть прореху, распределить натяжение, спрятать шов. Вы шьёте?

— Шью.

— Тогда мы с вами вообще коллеги, просто у вас материал терпеливее. Мой — живой и иногда дёргается. Дальше длину выровняем по самому короткому, он теперь диктует — такая у сломанных привилегия. Форму предлагаю мягкий квадрат: у вас широкая пластина, под неё круглить жалко, овал её съест. Боковые параллели сохраним, свободный край миллиметра полтора — это белая часть, которая торчит и которой вы будете стучать по столу в задумчивости. И тонкое укрепление, без объёма: смотрите на торец, — она повернула её палец ребром к свету, — видите, край расслаивается, как тесто фило? Это ногти пьют воду и не закусывают. Покрытие — если хотите натурально, есть камуфлирующая база.

— Мне просто естественную форму, — осторожно напомнила Вероника, у которой из всей этой речи знакомыми были только предлоги и тесто.

— Естественным образом ваши ногти растут в пять разных направлений, — отозвалась Марина без улыбки, но с теплотой. — Я считала. Мы всё-таки будем вмешиваться.

И началась работа, которой Вероника не ожидала, потому что шла чинить трещину, а попала на строительство. Сначала по рукам прошёл холод — Марина обработала их антисептиком, предупредив за секунду до: «Сейчас будет холодно и

запахнет больницей. Это спирт, он по-другому не умеет», — и от этого предупреждения холод оказался не страшным, а просто холодным. Потом зашуршала вытяжка — ровный белый шум, втягивающий невидимое, — и Марина включила фрезу.

— Не пугайтесь звука, — сказала она. — Звук у неё от зубного, а характер — от котёнка. Если где-то горячо или неприятно — говорите сразу. Терпеть у меня в кабинете запрещено. У меня здесь маникюр, а не спорт.

Фреза — маленькая, с насадкой в форме пламени свечи — пошла вдоль боковых валиков с щекотным жужжанием зубного кабинета, у которого отняли страх; апельсиновая палочка отодвинула то, что Марина называла «влажной кутикулой», и на пластине обнаружилась ещё одна, почти невидимая плёнка — «это кутикула: ороговевшие клетки, которые прилипли к ногтю. Убираем только их; живой проксимальный валик не режем и не шлифуем — он защищает матрикс». Пилка прошла по торцам короткими точными движениями — «край тонкий, поэтому мягко, без давления. Направление не религия; главное — подходящий абразив и не перепилить», — и на чёрный валик оседала тончайшая светлая пыль — мука её собственного тела, о существовании которой Вероника не подозревала.

Над сломанным ногтем Марина работала отдельно и молча, как над раненым: подровняла края трещины, уложила прозрачную заплатку, разгладила, посмотрела на просвет.

— Всё, — сказала она ему, а не Веронике. — Живи.

Потом развернула Вероникины пальцы к свету:

— Смотрите, это интересно. Вот апекс — высшая точка архитектуры, его конёк, как у крыши. На натуральной пластине изгиб есть, но тонкому укреплению мы зададим свою высшую точку над стрессовой зоной. Тогда нагрузка от удара распределится по материалу, а не уйдёт в свободный край. Ноготь — это вообще не пластинка. Это маленькое инженерное сооружение, просто никто его не уважает.

Вероника пришла починить ноготь. К концу процедуры у неё появилась архитектура.

Перед покрытием были ещё два флакона без картинок — «дегидратор, убирает влагу, и праймер, бескислотный, это как грунтовка под обои, чтобы держалось не на честном слове», — и каждый раз Марина называла вещь дважды: один раз по-своему, цеховым словом, и один раз по-человечески, и от этого двойного называния у Вероники появлялось странное чувство, что её не обслуживают, а проводят экскурсию по её собственным рукам.

Камуфлирующую базу Марина предложила показать на одном ногте:

— Сначала на безымянном. Он у нас пострадавший, ему положена компенсация.

Вероника посмотрела — и согласилась на все десять, потому что цвет был никакой, то есть ровно такой, как её собственный, только отдохнувший, выспавшийся, не знавший

чемоданов.

— Это какой оттенок? — спросила она.

— «Ваши ногти, но из хорошей семьи», — сказала Марина. — Официально он называется номером, но номер вам ничего не скажет. Номера в нашем деле — как артикулы у тканей: для накладной, а не для души.

Потом была лампа — короткий сухой жар изнутри пальцев, неожиданный, как глоток горячего чая. На выравнивающем слое безымянный ноготь вдруг обожгло сильнее, и Вероника дёрнула рукой.

— Не терпим, — сразу сказала Марина. — Это тепловой скачок: материал полимеризуется слишком быстро. Выньте руку на секунду. Этот слой досушим короткими заходами; на остальных пальцах выравнивание положу тоньше. Героев тут не награждают.

— А почему она печёт?

— Потому что при полимеризации выделяется тепло, а вы — её непосредственный участник. Можете считать, что у вас на пальцах десять очень маленьких заводов и все сдают объект досрочно.

Между лампами они разговаривали, и разговор шёл сам, как идёт он у парикмахеров и таксистов. Марина рассказывала про клиентку, которая открывала свежим покрытием консервную банку — «не вопрос „зачем“, вопрос „почему каждый раз“» — и про мужчину, который ходит на маникюр тайно от жены и платит наличными, как шпион; а Вероника,

не заметив как, рассказала про университет, про выступление через две недели, про сцену и фотографа — рука была сдана, а вместе с рукой, оказывается, сдаётся и что-то ещё.

— Под мероприятие — правильно, что заранее, — кивнула Марина. — После лампы покрытие уже отверждено, но в первый день люди почему-то особенно любят проверять его консервами, молниями и переездами — не надо. Носиться будет недели три, если не открывать ногтями банки — вы поняли, на чьём примере. И запомните главное: своей работе я гарантию даю. Если в первую неделю что-то само отслоится или сколется — приходите, исправлю бесплатно и без выяснений, это моя ошибка, а не ваша. Ногти не должны быть на совести клиента. Клиент должен ими просто жить.

Финал был тактильный: Марина сняла липкий слой салфеткой — «это клинсер, спирт с характером, последний холодок на сегодня» — и прошлась маслом по кутикуле, втирая его маленькими круговыми движениями, от которых по пальцам разошлось тепло совсем другого рода, чем от лампы: не химическое, а человеческое. Масло пахло миндалём — первый за весь визит запах, который был не про работу, а просто так, для удовольствия, и потому ощущался почти как подарок.

Вероника получила руки назад — гладкие, прохладные, с едва заметной непривычной тяжестью покрытия, как будто на каждом пальце лежала очень маленькая ответственность. Десять одинаковых мягких квадратов. Она тут же, ещё в ка-

бинете, сделала движение, которого за собой никогда не знала: провела большим пальцем по остальным ногтям, проверяя гладкость. Туда. Обратно. Ещё раз.

Марина усмехнулась:

— Все так делают. Все до одной. Это рефлекс свежего маникюра, он не лечится. Недели две будете гладить — потом привыкнете, что у вас всё хорошо. К хорошему, говорят, привыкают, я наблюдаю это в промышленных масштабах.

Уже у двери, когда Вероника надевала куртку освобождёнными руками — и куртка застёгивалась как-то по-новому, бережнее, — Марина заговорила легко, между делом, глядя не на неё, а в журнал записи:

— На сцене свет будет сверху, плечи и волосы попадут в кадр. Концы у вас сухие, край прозрачный — это не страшно, но камера такое любит. Я в волосы не лезу, это чужой цех: у нас как у врачей — стоматолог в колено не полезет, даже если очень попросят. Но если надо — есть человек, я у неё сама стригусь, вот этой самой головой отвечаю. Дать контакт?

И это прозвучало так разумно — не реклама, не продажа, а то же самое, что посоветовала бы Оксана через два двора, — что Вероника кивнула раньше, чем подумала. Марина протянула визитку: имя, телефон и в углу маленький, почти незаметный оттиск — круглая сдобная булочка с перетяжкой посередине. Вероника решила, что это милый логотип. В каком-то смысле так оно и было.

В маршрутке она поймала себя на том, что смотрит на руки пассажиров: вот квадрат, вот овал, вот обкусанное горе, вот свежее покрытие, вот апекс, который гуляет где попало. Город незаметно выдал ей новую оптику — и словарь к ней.

А Марина тем временем, протерев стол и положив у валика новый запечатанный крафтовый пакет, взяла телефон и написала короткое сообщение — не Веронике: «Отправила к тебе девочку, первокурсница, выступление через 2 нед. Мягкий вход. Длину не трогать, слово „натурально“ — святое». Ответ пришёл через одиннадцать секунд.

Салон оказался не салоном, а студией на два кресла в бывшей квартире, и порог здесь был воздушный: уже в прихожей Веронику встретила другая атмосфера в буквальном, метеорологическом смысле — воздух тёплый, влажный, тяжелее уличного, настоящий на шампуне, горячем металле и том неопределимом запахе, который издают сами волосы, когда их сушат, — запахе чуть палёном, чуть сладком, домашнем, как уют по наволочке. Под ним, тоном ниже, держался лак — не запах даже, а лёгкая липкость воздуха в задней части нёба.

Мастера звали Таша, у неё были ножницы в кобуре на поясе, как у человека, который носит инструмент чаще, чем сумку, и собственные волосы, собранные кое-как, — что Веронику скорее успокоило: так повар не ест на работе.

Садясь в кресло, Вероника с твёрдостью человека, читав-

шего в интернете истории о парикмахерах, произнесла подготовленную формулу: — Мне только кончики. Убрать секущееся. Длину не трогать. Форму не менять.

— Поняла, — миролюбиво заверила Таша, — длина неприкосновенна.

Она встала за креслом, взяла волосы Вероники в обе ладони, взвесила, как ткань на рынке, пропустила сквозь пальцы до самых концов, посмотрела на просвет — и Вероника впервые увидела в зеркале собственные волосы глазами постороннего специалиста: тёмно-русое полотно, ровное и густое сверху, к низу сходящее на нет, в прозрачный, неровный, заслуженный край.

Таша подняла прядь к свету: — Смотрите, что у нас. Корень — это вы сейчас: плотность хорошая, волос сильный. Середина — это ваши прошлые решения: вот здесь сухость, похоже на термоповреждение. Плойкой пользовались? — Прошлой зимой. — Вот. А концы — это последствия. Концы всегда последствия. У вас, строго говоря, не длинные волосы. У вас средние волосы с длинными воспоминаниями на концах.

— Я отращиваю, — возразила Вероника, защищаясь.

— Это заметно. Стрижку вы давно не делали, но отношения с длиной поддерживаете серьёзные. Я их уважаю. Поэтому предлагаю так: контрольную длину фиксируем — вот она, докуда сохраняется плотность полотна. Ниже неё снимаю только прозрачное, сантиметра полтора, это не длина,

это её призрак. Возвращаю плотность среза, чтобы край стал краем, а не намёком. И спереди, если согласны, отрисуем мягкие пряди у лица — от скулы, без чёлки. Вот столько сниму. — Таша показала длину пальцами; Вероника после паузы кивнула. — Мне Марина написала: чёлка — табу. Я в курсе.

Вероника хотела удивиться, откуда Марина знает про чёлку, о которой сама Вероника говорила только то, что не говорила о ней ничего, но тут её повели к мойке — и удивление пришлось отложить, потому что мойка не оставляет человеку лишних мыслей. Затылок лёг в холодную керамическую выемку, шея выгнулась под непривычным углом, и Вероника оказалась в самой незащитной позе городской цивилизации — лицом в потолок, горлом вверх, с головой в чужих руках. Сначала вода — чуть теплее, чем хочется, потом прохладные пальцы у корней, круговое, сильное, почти неприличное в своей приятности движение, от которого по спине вниз убежали мурашки; пена, шум воды у самых ушей — то справа, то слева, как переговоры; одна капля всё-таки прошла за воротник и прожила там короткую холодную жизнь. Второй шампунь. Маска. Полотенце, в котором голову отжали бережно и сильно, как умеют только профессионалы и матери.

Мокрые волосы оказались тяжёлыми, чужими и тёмными. В кресле её упаковали: бумажная полоска на шею — гигиена с ощущением лёгкого ошейника, — поверх чёрная накидка,

щёлкнувшая у горла, и из зеркала на Веронику посмотрела голова без тела, одинокая и очень честная.

Стрижка была короткой по времени и огромной по концентрации. Ножницы работали у самого уха — холодный металлический шёпот, ближе к лицу, чем Вероника пускала какие-либо предметы, — и каждое «чик» отзывалось в черепе через волос, как через провод. Таша командовала её головой: «на меня», «чуть ниже», «не помогайте мне, просто расслабьте шею» — и Вероника обнаружила, что отдать голову труднее, чем руку: рука лежала на валике, а голову надо было держать ровно в том положении, в котором её оставили, и это был труд.

На пол падали пряди. На полу они выглядели длинными. Вероника напряглась.

— Это призрак, — сказала Таша, не оборачиваясь. — На полу всё всегда длиннее. Закон жанра.

Перед феном Таша растёрла в ладонях каплю несмываемого крема и прошла по длине — «термозащита; прошлой зиме уже не поможет, зато следующей не дадим повториться». Потом был фен — горячий ураган по правому борту, в котором погиб любой разговор; Таша что-то спросила, Вероника ответила «что?», Таша выключила фен, и признание про университетское выступление пришлось делать дважды, отчего оно прозвучало вдвое значительнее. Круглая щётка тянула пряди с натяжением на грани приятного, горячий воздух шёл следом, и волосы на глазах меняли агрегатное состо-

яние — из мокрой массы в живое, двигающееся, послушное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.